

М. А. НИКИФОРОВ

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СУГДЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI вв.

В первой половине IX в. в Таврике происходят важные политические изменения. С одной стороны, здесь усиливаются позиции Византии. При императоре Феофиле учреждается фема, главным городом которой становится Херсон. Новая фема являлась плацдармом империи, стремящейся распространить свое влияние и на другие территории полуострова. С другой стороны, Хазарский каганат, долгое время господствующий в Таврике, постепенно теряет свои позиции. Появившиеся в Северном Причерноморье венгры, а затем печенеги значительно сокращают возможности хазар по контролю над территориями юго-западного и юго-восточного Крыма.

Названные политические изменения не могли не повлиять на развитие Сугдеи. В данной статье будет рассмотрена политическая история города в первой половине IX – первой половине XI вв. Нижняя хронологическая граница выделенного периода связана с началом процесса усиления контроля Византии над Таврикой. Верхнюю дату определяют печати византийских стратегов Сугдеи [1, р. 49-50; 2, с. 314-315; 3, с. 304], однозначно указывающие на подчинение города империи в первой половине XI в.

Несмотря на довольно четкие хронологические границы, позволяющие выделить новый этап в истории Сугдеи, в историографии до сих пор нет специальных работ, ему посвященных. Исследователи обращались к этому времени или в рамках обобщающих работ по истории Сугдеи [4, с. CLVI-CCVII; 5; 6, с. 322-357; 7], или при изучении более узких хронологических периодов [8, с. 201-244; 9, с. 272-288; 10, с. 236-261; 11, с. 217-224; 12, с. 108-124]. Предложенная статья является попыткой устранить существующую лауну.

Главным и, по сути, единственным источником по политической истории Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв. является комплекс печатей, найденных в акватории бухты Лимена-Кале [1, р. 47-58; 2, с. 296-330; 3, с. 303-306; 13, р. 123-130; 14, с. 85-98; 15, с. 153-161; 16, с. 384-388].

Практически ни одно исследование о раннесредневековой Сугдее уже не обходится без рассмотрения этих моливдовулов. Несмотря на бесспорную важность сведений, полученных при изучении печатей, они, как всякие другие источники, требуют к себе критического отношения. Поэтому в ходе исследования будет произведена попытка дать оценку печатям этого комплекса как историческому источнику.

Кроме моливдовулов некоторую информацию о политическом положении Сугдеи в VIII в. можно получить из сведений «Жития Стефана Сурожского». Этот агиографический памятник посвящен святому Стефану, долгое время занимавшему епископскую кафедру Сугдеи. Известно несколько списков и три редакции этого источника: греческий [4, с. 72-76; 17, с. 11-15], церковно-славянский [4, с. 77-98; 17, с. 15-53] и армянский [17, с. 54-66; 18, р. 94-107]. Для выяснения политического статуса Сугдеи в статье также привлекались сведения средневековых писателей и другие источники о территории Таврики в целом [19–26].

Скупость и неоднозначность содержащейся в источниках информации привела к возникновению разнообразных версий о политическом статусе города в первой половине IX – первой половине XI вв.

В.Г. Васильевский утверждал, что Сугдея с начала VIII в. по всем признакам состояла под властью хазар [4, с. CLXIII]. Исследователь затруднялся назвать время, когда эта власть была ликвидирована, однако предполагал, что византийский контроль над городом восстановился только после разгрома хазар в 1016 г. [4, с. CLXVI].

И.А. Баранов датировал хазарский период функционирования крепости второй половиной VIII – X вв. По его мнению, в это время Сугдея играла роль хазарского военного лагеря. Не ранее середины IX в. на северном склоне горы Дженебез-Кая возводится крепостная стена [27, с. 49-50, 53]. В мирное время в крепости находились хазарские военачальники с регулярным отрядом. В период войны к ним присоединялись войска родовых вождей со всей территории Крымской Хазарии, в количестве одного тумена (10 тыс. чел.) и, в случае необходимости, основные силы каганата [28, с. 67-68]. Хазары покидают город не ранее второй половины X в. Это находит отражение в смене слабой застройки сельского типа внутри периметра крепостных стен упорядоченной квартальной планировкой с ремесленными мастерскими и внутренним рынком [27, с. 49-50, 53]. В самом конце X – первой половине XI вв., по мнению И.А. Баранова, Сугдея получает ранг стратегии или малой фемы. Исследователь отождествляет Сугдею с известной по данным «Эскуриального Тактикона» (975 г.) фемой Понта Эвксинского и локализует здесь базу византийского военно-морского флота [29, с. 86-87].

А.И. Айбабин датирует упразднение власти хазар в Таврике более ранним временем. Исследователь предположил, что хазарские войска были

изгнаны с полуострова мадьярами в третьей четверти IX в. [30, с. 227], после чего в Сугдее утвердилась византийская администрация [31, с. 77].

С носителями праболгарской культуры (т. н. крымский вариант салтовомаяцкой культуры) связывает функционирование Сугдеи в VII-X вв. В.В. Майко. В середине X в., по его мнению, здесь, как и во всем юго-восточном и южном Крыму, на смену этой археологической культуре приходит совершенно новая [8, с. 201-203; 9, с. 272]. Развитие событий на полуострове во второй половине X – начале XI вв., в интерпретации В.В. Майко, выглядит следующим образом. Воевода или родственник киевского князя Игоря Хельгу наносит удар по территории Хазарского каганата и захватывает город Самкерц (Тмутаракань). Начать войну Игоря побудил византийский император Роман Лакапин в ответ на преследования хазарами христиан. По мнению В.В. Майко, Хельгу должен был не только напасть на хазарские владения, но и попытаться закрепиться в Таврике. Христианизированные праболгары, проживавшие на полуострове в это время, номинально зависели от Хазарского каганата, но находились в идеологической зависимости от Византии. Большая их часть поддержала войска русов. Каганат ответил карательной акцией под предводительством (хазарского) полководца Песаха – освободил захваченный русами Самкерц, уничтожил большинство праболгарских поселений и захватил крупнейшие города, в которых проживали христианизированные праболгары. Последние были вынуждены в спешке бежать. Им на смену и приходит сложное в этническом плане тюркское городское население с северокавказских и прикаспийских территорий [8, с. 240].

Затем, в начале 70-х гг. X в., как полагает В.В. Майко, территория юго-восточной Таврики переходит под власть Византии. Однако власть эта была номинальной. Поэтому между Русью, усилившей свое влияние на юго-восточный Крым в последнем десятилетии X в., и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Балансирование между Русью и Византией, по мнению В.В. Майко, позволило жителям Сугдеи какое-то время поддерживать видимость существования своеобразного реликта каганата – Крымской Хазарии [9, с. 277]. В начале XI в., воспользовавшись подавлением восстания Георгия Цулы (1015-1016 гг.), Византия ликвидирует крепнувший и набирающий все большую самостоятельность реликт Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Империя восстанавливает свою власть в Сугдее и учреждает здесь фему [9, с. 280-281].

Взгляды В.В. Майко на историю Сугдеи X в. разделяет и А.В. Джанов [6, с. 239].

Ю.М. Могаричев посчитал, что хазары вообще не претендовали на политическое господство в Таврике, ограничившись лишь возможностью

получения дани. Материальная культура Сугдеи по-прежнему носила провинциально-византийский характер [17, с. 142, 166], поэтому, по мнению ученого, если Сугдея и подчинялась Хазарскому каганату, то непродолжительное время – во второй половине VIII в. На это, как полагает Ю.М. Могаричев, может указывать отсутствие или сокращение византийских печатей этого времени, происходящих из сугдейского сфрагистического комплекса. Однако, вероятнее всего, Сугдея на протяжении всего господства каганата на полуострове оставалась византийским городом, уплачивая хазарам лишь подати [32, с. 171; 33, с. 237, 239].

Схожего мнения придерживается Е.В. Степанова. По ее мнению, в VIII–IX вв. византийцы не покинули Сугдею. Город участвовал в экономической жизни Византийской империи и административно подчинялся Херсону. С территории города осуществлялся сбор налогов [17, с. 101].

С.Б. Сорочан рассматривает Сугдею как город, находившийся с конца VII – IX вв. в режиме совместного владения (кондоминиум). Хазарский тархан осуществлял здесь правительственно-представительские функции и делил их с византийскими властями и епископом Стефаном Сурожским [12, с. 113–114]. Византийские городские власти Сугдеи, по мнению ученого, были подконтрольны и зависимы от архонтов Херсона, на что указывает обилие моливдовулов последних [34, с. 517]. После образования в Таврике византийской фемы, Сугдея целиком переходит под контроль империи [12, с. 110, 119; 35, с. 333].

В.Е. Науменко интерпретирует находки печатей сугдейского сфрагистического комплекса, как определенно указывающие на существование здесь с конца VII в. византийской таможни [36, с. 547]. Исследователь причисляет Сугдею к т. н. климатам и предполагает подчинение ее административных структур стратигу одноименной фемы. Окончательное вхождение города в фему Херсон датируется им 870–880 гг. [37, с. 696–698; 38, с. 263, 264].

Приведенная историография свидетельствует о существовании во взглядах на развитие Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв., главным образом, двух противоположенных традиций. Первая базируется на тезисе о подчинении Сугдеи Хазарским каганатом в VII в. и постепенном возвращении его под контроль Византийской империи в IX, X или даже XI вв. Представители второй историографической традиции, опираясь, в основном, на данные сугдейского сфрагистического комплекса, видят в Сугдее сугубо византийский город. Влияние хазар на него если и было, то лишь незначительное и на короткое время и, в любом случае, исчезает после учреждения на полуострове византийской фемы.

Таким образом, очень важным для реконструкции политической истории Сугдеи является определение статуса города в период хазарского господства в Таврике: был он подчинен Хазарскому каганату или нет, и если

был, то когда от него освободился. Ответ на первый вопрос можно получить из сведений различных редакций «Жития Стефана Сурожского».

Церковно-славянская (как и армянская) редакция «Жития Стефана Сурожского» сообщает, что в Сугдее находилось мало христиан, но множество язычников и еретиков «велми злыхъ» [4, с. 79; 17, с. 35; 18, р. 96]. Из этого сообщения можно заключить, что как в самом городе, так и в его округе население в основном было не христианским. Однако, скорее всего, в данном случае имеет место некоторое преувеличение. Автор Жития мог специально упомянуть о множестве язычников, чтобы показать, насколько тяжелую работу проделал Стефан, крестив за пять лет весь город и окрестные села [4, с. 87; 17, с. 43, 62; 18, р. 96]. По крайней мере, «князь» Сугдеи, т. е. представители городской знати, очевидно, были христианами, раз лично прибыли в Константинополь за новым патриархом [17, с. 61; 18, р. 96].

С представителем такой правящей сугдейской верхушки – «князем» Георгом (Юрием) связан один из наиболее дискуссионных сюжетов Жития. Автор церковно-славянской редакции называет его одновременно «князем» и «тарханом» и сообщает, что он «приходил к святому, слушал его поучения: что велел святой, то он и делал» [4, с. 95; 17, с. 51]. Термин «тархан» являлся титулом [39, с. 299], использовавшимся для обозначения знатных представителей хазарских родов, освобожденных от уплаты государственных налогов в обмен на военную службу [40, с. 117-119]. Т. е. термин «тархан» обозначал не должность, а сословный титул, указывающий на принадлежность к родовой знати [41, с. 40]. Как «князь» Сугдеи, христианин по вероисповеданию, мог получить этот титул? Ответ на этот вопрос можно найти в армянской редакции Жития.

Источник сообщает, что хазарский царь Вирхор, проживающий в «Керчи», вызвал к себе известного уже нам сугдейского «князя»¹ Георга (Юрия), чтобы женить его на «женщине» [17, с. 64; 18, р. 102]. Нет оснований видеть в этой «женщине» дочь хазарского царя. Скорее всего, речь идет о дочери какого-либо тархана из его окружения. Породнившись с хазарским тарханом, Георг (Юрий), возможно, или сам был наделен этим почетным титулом, или просто получил соответствующее прозвище, под которым и фигурирует в армянской редакции Жития. То, что в источнике «князь» Георг (Юрий) назван тарханом еще до свадьбы, тоже объяснимо. Первоначальное

---

¹ В опубликованном А. Бозояном армянском тексте Жития используется термин իշխան, имеющий множество значений: князь, правитель, управляющий и т. д. [42, с. 461]. А. Бозоян переводит этот термин на французский в разных случаях как «gouverneur» [18, р. 102-103], в других как «notable» [18, р. 96-97, 104-105]. Чтобы избежать терминологической путаницы, в представленной статье везде принят вариант перевода, предложенный Т.Э. Саргсян – «князь» [17, с. 64], т. к. такой же термин используется и в церковно-славянской редакции «Жития Стефана Сурожского».

«Житие Стефана Сурожского», безусловно, писалось после смерти святого, не ранее конца VIII в. [43, р. 110]. Поэтому его автор и называет «князя» уже известным ему в то время титулом или прозвищем.

Необходимо остановиться еще на одном сюжете, в котором упоминается «князь» Георг (Юрий). Автор Жития сообщает, что сугдейский «князь» «имел обыкновение посещать святого, повиновался ему и делал, как он говорил ему. Святой же весьма наставлял его на путь спасения» [4, с. 95; 17, с. 51]. Нет оснований видеть в этом сообщении признаки византийско-хазарского кондоминиума и приписывать святому Стефану «политическую силу, не намного уступающую светской власти», как это делает С.Б. Сорочан [34, с. 518]. Даже если не обращать внимания на возможность заметного преувеличения близости отношений Стефана с местным правителем, продиктованного характером источника, то в практике обращения высокопоставленного христианина к своему духовному отцу нет ничего политического. Георг (Юрий) предстает человеком, живущим «по закону Божьему», посещающим Стефана и повинующимся будущему святому, наставляющему его на путь спасения души [17, с. 51]. Таким образом, эпизод армянской редакции Жития, в котором Георг (Юрий) советуется со Стефаном перед поездкой к хазарскому царю, надо понимать не как согласование своих действий с представителем византийской власти [34, с. 518], а как обращение к провидцу. Собственно, этим сюжетом автор Жития и иллюстрирует способность святого предсказывать события [17, с. 64; 18, р. 102].

Из скудной информации, содержащейся в Житии, можно составить следующую картину политического положения Сугдеи во второй половине VIII в. Город управлялся местной знатью – «князьями». Одним из таких «князей», христианином по вероисповеданию, был и Георг (Юрий). В источнике он предстает перед нами, вероятнее всего, единоличным правителем Сугдеи, «исполняющим свою власть по закону Божьему» [4, с. 95; 17, с. 51]. Сугдея находилась под политическим господством Хазарского каганата, правитель которого мог вызывать к себе «князя» Сугдеи без объяснения причин. Георг (Юрий) вполне мог исполнять должность тудуна, заключавшуюся, главным образом, в сборе дани [41, с. 40], хотя никаких документальных подтверждений этому нет. Однако нет оснований для отождествления его ни с тюрком по происхождению [41, с. 41], ни с командующим хазарского тумена [28, с. 67-68]. Титулу или прозвищу «тархан» Георг (Юрий) обязан, скорее всего, лишь женитьбой на знатной хазаринке.

Сведения Жития о политическом положении Сугдеи согласуются с известной информацией о состоянии дел в Таврике в целом. По сведениям византийских письменных источников, большая часть полуострова к началу VIII в. находилась под контролем Хазарского каганата [19, с. 62-64, 163-165]. Согласно данным рассмотренных редакций «Жития Стефана Сурожского»,

не избежала этой участи и Сугдея. Город при этом сохранил местные традиции управления и тесные идеологические и торговые контакты с Византийской империей. Подтверждением последнего могут служить многочисленные сфрагистические находки, выявленные в акватории средневекового сугдейского порта.

Всего найдено 500-600 печатей, включая их заготовки. Из них информативными являются не более 20%, т. е. около 100 единиц [17, с. 176-177]. Хотя существуют и другие версии [44, с. 35-39; 45, с. 42-49], но объяснение происхождения столь массовых находок функционированием в Сугдее архива является пока самым распространенным. При этом понятие архив, в данном случае, имеет оттенок условности. Сведения об обстоятельствах обнаружения некоторых печатей сомнительны. Не исключено, что часть из них могла не относиться к архиву, а попасть в акваторию бухты случайно. Подавляющее большинство из идентифицируемых моливдовулов принадлежит византийским чиновникам: архонтам и стратигам Херсона, логофетам геникона и коммеркиариям различных византийских провинций.

Самый ранний из датированных моливдовулов сугдейского сфрагистического комплекса принадлежит апоипату Кириаку, главному логофету аптеки Константинополя и датируется 696-697 гг. [15, с. 153-154]. Эта печать позволила А.И. Айбабину связать находки моливдовулов в бухте Лимена-Кале с деятельностью торгового порта Сугдеи и таможней, созданной хазарами [30, с. 205]. Позднее Е.В. Степанова датировала второй половиной VI – первой половиной VIII вв. ряд византийских печатей: табулярия, хартулярия, ипатов, апоипатов, апоэпарха, а также личные печати Феодосия и Адриана (Андрея?) [1, р. 50-52; 13, р. 124-125]. Благодаря этим находкам она перенесла предполагаемую дату начала функционирования сугдейского архива на конец VI или первую половину VII вв. [17, с. 189]. При этом вызывает сомнение тезис исследовательницы о том, что архив был бы уничтожен в случае подчинения Сугдеи власти хазар [17, с. 180; 46, с. 101]. В ходе раскопок средневекового города Преслав также был обнаружен комплекс византийских печатей (971–1088 гг.) Его формированию не помешали периоды господства над городом ни печенегов, ни болгар [47, с. 16].

Важными представляются вопросы: изменялся ли характер печатей из сугдейского сфрагистического комплекса? И если изменялся, то как и когда? Ответы на эти вопросы можно получить, проанализировав печати, в легенде которых указаны должности чиновников. Вероятно, самые ранние из таких моливдовулов принадлежат табулярию (VII в.) и хартулярию (первая половина VII в.) [1, р. 50-51] – финансово-счетным чиновникам низкого ранга, составлявшим документы во множестве провинциальных и столичных служб и задействованным, в том числе, и в фискальных операциях [48, с. 107; 49, р. 1495; 50, р. 83]. В период политической зависимости Сугдеи от хазар (конец VII – начало IX вв.) меняется и состав печатей: за исключением, возможно,

одной печати логофета геникона², все они принадлежат чиновникам (логофету и коммеркиариям (5 экз.)) различных апотек [13, p. 126; 14, s. 86-90; 15, s. 153-154]. Это может служить свидетельством существования в данное время исключительно торговых контактов Сугдеи с империей. Печати этих коммеркиариев могут служить доказательством существования в городе хазарской таможни. С ослаблением контроля над городом со стороны хазар и усилением влияния Византии в первой половине IX в. состав печатей снова изменится. Вплоть до первой половины XI в. в сугдейском сфрагистическом комплексе доминируют моливдовулы архонтов (15 экз.) [1, p. 52-54; 3, с. 303; 13, p. 123, 124; 14, s. 95-97] и стратигов Херсона (6 экз.) [2, с. 311; 13, p. 125; 14, s. 95-98; 16, с. 385-386], стратигов Климатов (2 экз.) [1, p. 54; 3, с. 305] и логофетов геникона (17 экз.) [13, p. 123; 2, с. 306-308; 14, s. 91-92]. С первой половины XI в. появляются печати стратигов Сугдеи (6 экз.) [1, p. 49; 2, с. 314-315; 3, с. 304].

Таким образом, анализ моливдовулов с обозначением должностей позволяет выделить несколько исторических этапов развития города. Первый – «ранний», представлен печатями незначительных византийских чиновников. Второй – «хазарский», характеризуется печатями задействованных в торговле служащих византийских провинций Малой Азии и Константинополя. Третий – «постхазарский», в это время Сугдея устанавливает тесные отношения с Херсоном и Византийской империей. Наконец, четвертый – «византийский», начинается с появления в Сугдее собственного стратига.

Безусловно, количество найденных печатей позволяет пока лишь условно обозначить выделенные периоды. Так как датировки моливдовулов не отличаются точностью, то и хронологические границы периодов размыты. Дальнейшие работы по подъему и интерпретации печатей сугдейского архива должны внести большую ясность в периодизацию истории Сугдеи.

Вернемся к анализу печатей сугдейского сфрагистического комплекса интересующего нас периода. В первой половине IX – первой половине XI вв. Сугдея продолжала поддерживать торговые связи с византийскими регионами. На это указывают печати главного коммеркиария Понта Косьмы (середина или вторая половина IX в.) [1, p. 56] и императорского спафарокандидата и коммеркиария Херсона Константина [2, с. 308]. Коммеркиарии с IX в. находились в подчинении логофета геникона [20, p. 313], контролировали торговые операции и занимались сбором таможенных пошлин [49, p. 1141; 51, p. 50; 52, p. 135, 138].

Наиболее многочисленная группа печатей из Сугдеи принадлежит архонтам и стратигам Херсона и датируется IX-X вв. [1, p. 52-54; 3, с. 303; 13, p. 123-125; 14, s. 95-98]. Наличие этих моливдовулов является основным

² Спорной является только печать логофета геникона Феофилакта, которую В.И. Булгакова датирует VIII в. [7, с. 298], а В.Е. Степанова – IX в. [6, с. 191].

доказательством гипотезы С.Б. Сорочана о подчиненном статусе Сугдеи по отношению к Херсону, сложившемуся еще до учреждения первой в Таврике фемы [34, с. 334, 343]. К сожалению, автор не уточняет характера такой зависимости. Само по себе присутствие моливдовулов архонтов и стратигов Херсона в сугдейском сфрагистическом комплексе указывает лишь на существование каких-то отношений между этими двумя городами, а количество – на их активность. Например, из раскопок Преслава происходят печати различных чиновников многих византийских провинций, в том числе и стратига Херсона [47, с. 108-159], что совсем не является доказательством чьей-либо зависимости. Как представляется, гораздо важнее для выяснения характера отношений Сугдеи с Византийской империей определить происхождение многочисленных печатей логофетов геникона.

Всего из сугдейского сфрагистического комплекса происходит 17 моливдовулов этих чиновников. Скорее всего, все они датируются IX-XI вв. [17, с. 181]. При этом лишь одна печать выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода. Наличие печатей логофетов геникона, по мнению Е.В. Степановой, указывает на осуществление византийцами сбора налогов с территории Сугдеи в IX в. [17, с. 183-184]. Однако подобный вывод представляется преждевременным.

С VII в. логофеты геникона возглавляли финансовое ведомство империи [50, р. 86-87; 53, с. 19-20; 20, р. 313-314]. Известны случаи, когда логофетам геникона поручали вести переговоры или возглавить военную операцию. Однако вряд ли стоит это связывать с их прямыми обязанностями. Скорее наоборот, недостаток опыта участия в подобных миссиях мог быть причиной насильственной смерти этих чиновников в обоих известных случаях [54, р. 528, 535]. Прямой и главной обязанностью логофетов геникона был контроль за финансами империи: установление размеров и сбор различных налогов и пошлин [54, р. 672; 50, р. 86-87; 53, с. 19-20; 20, р. 313-314]. Для этого у них в подчинении находились, например, хартулярии, коммерциарии, эпопты, диикиты. Именно на этих чиновников ложились обязанности по установлению размеров и сбору налогов и пошлин в провинциях [55, р. 992].

Опубликовано немалое количество печатей логофетов геникона, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях [56, у. 62; 57, р. 83-84; 58, р. 91-94; 59, р. 36; 60, с. 53-54; 61, с. 124; 62, р. 72; 63, р. 516; 64, р. 1879; 65, р. 132-158; 66, с. 299-300; 47, с. 69-70]. Однако в большинстве случаев место обнаружения находок установить нельзя. Это значительно затрудняет интерпретацию возможных адресатов и причин появления печатей главных чиновников фиска в том или ином месте.

Моливдовулы логофетов геникона первой половины IX – первой половины XI вв. обнаружены и в Преславе [45, с. 69-70; 66, с. 299-300], и в Херсоне [67, с. 198]. Однако в обоих городах находились византийские чиновники:

коммеркирии [2, с. 308; 68, с. 1620-1626], архонты [2, с. 301-303; 69, с. 490-493] и стратиги в Херсоне [70, с. 737-740; 71, с. 363-367; 72, с. 256-258; 73, с. 247-250; 16, с. 385-386; 2, с. 311], стратиги в Преславе [47, с. 134-137], к которым, вероятно, и направлялась корреспонденция. В случае с Сугдеей, до первой половины XI в. неизвестно ни одного местного византийского чиновника.

Сравнительно большое количество печатей главных логофетов первой половины IX – первой половины XI вв. и полное отсутствие как второстепенных чиновников этого ведомства, так и византийских чиновников местной администрации могут указывать на прямые отношения представителей Сугдеи с главой византийского фиска в это время. Такие отношения, исходя из служебных полномочий логофетов геникона, могли выражаться исключительно в финансовой сфере. Вероятнее всего, в каких-то выплатах сугдейцев в императорскую казну.

Скудность источников при богатстве фантазии позволяет выдвинуть большое количество версий относительно характера таких платежей. Ограничимся лишь двумя, как представляется, наиболее обоснованными и перспективными в плане дальнейшего изучения.

Во-первых, усиление позиций Византии в Таврике в «постхазарский» период и удобное расположение Сугдеи на морских коммуникациях позволяют предположить подчинение города Византийской империи до первой половины XI в. Однако возникает вопрос о характере такой зависимости. У нас нет ни свидетельств установления в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в., ни веских оснований включать город в пределы фемы Херсон. Это заставляет искать другие варианты возможной зависимости Сугдеи от Византийской империи. Одним из таких вариантов может быть предположение о формальном подчинении правителей Сугдеи Византийской империи. Тогда платежи, вносимые сугдейцами в византийскую казну, могут быть пактом (πάκτων) – фиксированной ежегодной данью, взимаемой с периферийных территорий, в той или иной степени подчиненных византийскому императору [74, с. 480]. Определением размера и сбором пакта занимались как центральные органы власти [25, с. 187], так и стратиги ближайших византийских фем [25, с. 221-225]. В этой связи необходимо отметить сообщение автора трактата «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного (945-959 гг.), согласно которому таким пактом распоряжался и стратиг Херсона [25, с. 275]. В случае выплат пакта Сугдеей ее статус мог быть схожим со статусом так называемых климатов. Т. е. город мог управляться местной знатью, признававшей политическую зависимость от византийского императора. Как и другие плательщики пакта, правители Сугдеи могли брать на себя какие-то союзнические обязательства [74, с. 482].

Во-вторых, выплаты в императорскую казну могли быть связаны с деятельностью сугдейской христианской общины. Одно из немногих упоминаний

о логофете геникона в нарративных источниках свидетельствует, что установление размера и сбор налогов с церковью и монастырем входили в прямые обязанности логофета геникона [54, р. 672]. Известно, что в VIII в. Сугдея обладала своим епископом [4, с. 72, 77-98; 17, с. 11, 33-53, 60-66; 18, р. 94-107; 75, р. 62-63]. С X в. архиепископство Сугдея присутствует в списках Константинопольского патриархата [76, р. 274, 294, 346]. Из сугдейского сфрагистического комплекса происходит печать Петра, архиепископа Сугдеи (вторая половина X в.) [1, с. 47].

Последнее выдвинутое предположение заставляет обратиться к вопросу о характере сфрагистических находок из Сугдеи и их значении как источника по истории этого города. Находки печатей относили к архиву византийской или хазарской таможни Сугдеи [30, с. 205; 36, с. 547]. Находки личных печатей и печатей с указанием только титула заказчика склонили Е.В. Степанову к версии об общегородском характере архива [77, с. 544]. Как нам представляется, более вероятно, что архив Сугдеи мог быть церковным. Наличие архива у городских властей или таможни Сугдеи, как, впрочем, и самой таможни, крайне гипотетично. Существование же таких хранилищ не только у патриархий, епархий, но и отдельных монастырей сомнений не вызывает. Епископ Порфирий (Успенский), побывавший в монастырях Востока и Афона в середине XIX в., отмечал, что там еще тогда хранились древние документы, в том числе и со свинцовыми печатями [78, с. 25].

Характер относимых к архиву печатей не противоречит его церковному статусу. Среди находок встречаются моливдовулы, принадлежащие как высокопоставленным сановникам церкви [1, р. 47; 2, с. 297, 299], так и простым монахам [13, р. 128]. Не исключено, что в церковный архив Сугдеи могли сдаваться на хранение и светские документы. Один из актов афонского Дохиарского монастыря свидетельствует, что такая практика существовала [79, с. 19].

Епархия Сугдеи (а значит, и ее архив) существовала при политическом господстве как Хазарского каганата, так и Византийской империи. В случае, если мы имеем дело с церковным архивом, то его сведения нужно рассматривать в контексте деятельности сугдейской церковной общины. Данные архива могут служить важным, но лишь косвенным источником по политической истории Сугдеи. Другими словами, найденные в Сугдее печати могут быть иллюстрацией торговых и деловых контактов сугдейской церкви с различными византийскими провинциями, императорской казной и местными жителями.

Если архив был церковный, то время его основания должно совпадать с началом функционирования в городе какой-то церковной институции. Вопрос о времени основания Сугдейской епархии до сих пор является предметом дискуссии [4, с. CLXIII; 80, с. 43, 50; 30, с. 206; 33, с. 244]. Однако сведения всех трех редакций «Жития Стефана Суражского» однозначно указывают на

существование церковной общины в Сугдее до назначения сюда святого Стефана [4, с. 79, 73; 18, р. 96].

Рассуждая о возможном происхождении сугдейских печатей, важно отметить, что связать их с какой-либо постройкой не представляется возможным. Сфрагистические памятники находили на большом пространстве бухты Лимена-Кале. Таким образом, отождествление находок моливдовулов с каким-либо архивом может быть лишь предположением. Причем, как представляется, не самым вероятным. Печати из Сугдеи, возможно, вообще не принадлежали архиву, т. е. месту хранения документов. Моливдовулы могли быть «отходами», связанными с деятельностью какого-то ведомства или службы. Такую интерпретацию комплекса сфрагистических памятников из раскопок Преслава предложил, в частности, И. Йорданов. В Преславе 552 моливдовула были найдены на большой площади раскопов (2,5 га), в основном, возле здания предполагаемой канцелярии стратига [45, с. 16-17]. В случае с Сугдеей печати, с отработанных документов, могли также накапливаться в культурном слое, а затем оказаться в море благодаря процессу абразии береговой линии.

Подводя итоги анализу данных сугдейского сфрагистического комплекса, можно прийти к следующим выводам. Вопрос происхождения моливдовулов, найденных в бухте Лимена-Кале, требует дальнейшего изучения. Печати с указанием должностей позволяют выделить несколько периодов в истории города: «ранний» (до конца VII в.), «хазарский» (конец VII – первая половина IX вв.), «постхазарский» (первая половина IX – первая половина XI вв.) и «византийский» (после первой половины XI в.). Полное отсутствие моливдовулов, принадлежащих представителям византийской администрации Сугдеи в «постхазарский» период, не подтверждает тезисы ни об учреждении в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в., ни о включении города в пределы фемы Херсон. Скорее наоборот, отсутствие моливдовулов таких чиновников, при сравнительно частых находках печатей стратигов Сугдеи XI в., позволяет предположить, что городом, как и в «хазарский» период, продолжали управлять представители местной знати. Значительную ясность в вопрос о статусе Сугдеи в «постхазарский период» могли бы внести печати представителей византийской администрации города этого времени, однако до сих пор обнаружить их не удалось.

Политическое положение Сугдеи X в. пытаются реконструировать на основе документов, принадлежащих к так называемой еврейско-хазарской переписке X в. В пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа еврейскому сановнику Хасдаю Ибн-Шафруту Сугдея названа среди городов, входящих в пределы Хазарского каганата [21, с. 102]. В тексте источника присутствуют поздние добавления, поэтому встречающиеся здесь сведения нуждаются в подтверждении своей подлинности [21, с. XIX]. Никакой другой источник не указывает на распространение хазарского влияния на Таврику

в середине X в. Даже наоборот, в так называемом Кембриджском документе говорится о трех городах («города Романа»), не считая Херсона, и многочисленных селениях, подчиненных Византии в Таврике в период правления императора Романа I Лакапина (919-945 гг.) [22, с. 141]. К сожалению, источник не дает никакого представления о конкретном местонахождении этих населенных пунктов. Однако информация о том, что нападению русов, подстрекаемых Романом Лакапином, подвергся Самкерц, может указывать на этот город как на ближайший к византийским владениям пункт, подчиненный хазарам.

В этой связи, малообоснованной представляется концепция В.В. Майко о причинах, развитии и последствиях византийско-русско-хазарского конфликта. В источнике не сказано ни о попытках Игоря «закрепиться на полуострове (Таврике)», ни о поддержке войск русов местными праболгарами, ни о «карательной акции» хазарского полководца Песаха в отношении «христианизированных праболгар» [8, с. 240]. В.В. Майко пытается подкрепить свою гипотезу археологическими находками из раскопок Судака и его окрестностей (6 жилых построек, зольник и могилы в некрополях Судак-II, Судак-IV, Судак-VI) [8, с. 201]. Однако вряд ли, основываясь на столь скудном материале, можно делать выводы о существовании в восточном Крыму, и в частности в Сугдее, «своеобразного реликта Хазарского каганата – Крымской Хазарии», при помощи «своеобразного кондоминиума..., балансирующего» во второй половине X в. между Русью и Византией [9, с. 277].

Также малообоснованным представляется отождествление И.А. Барановым Сугдеи с фемой Понта Эвксинского, известной по данным «Эскуриального Тактикона». Предположение исследователя основывается исключительно на неизданной печати стратига фемы Понта Эвксинского, найденной в порту Сугдеи [28, с. 154; 29, с. 87]. Если такой моливдовул и существует, то он никоим образом не может служить основанием для локализации этой фемы в Сугдее. Издатель «Эскуриального Тактикона» Н. Икономидес отождествлял фему Понта Эвксинского с Боспором Фракийским [20, р. 267, 358]. Название «Понт Эвксинский» в VIII в. носила одна из императорских коммерчий [81, р. 84]. На печати императорского коммеркиария Льва (первая половина IX в.) название «Понт Эвксинский» встречается уже вместе с топонимом «Синоп» [82, р. 1646]. Наконец, И. Йорданов опубликовал печать стратига фемы Понта Эвксинского, хранящуюся в археологическом музее г. Софии. Исследователь датировал ее серединой (после 1030 г.) XI в. [81, р. 85], т. е. временем, когда уже существовала фема под названием «Сугдея».

Учреждение фемы в Сугдее В.В. Майко связывает с конфликтом 1016 г. между Георгием Цулой и центральной византийской властью, известным из сообщения Иоанна Скилицы [26, р. 296]. События, описанные византийским хронистом, не имели прямого отношения к Сугдее, потому нет причин подробно на них останавливаться. Однако необходимо отметить, что в связи с этим

конфликтом в Таврику был направлен византийский флот [26, р. 296]. Демонстрация реальной военной силы византийскими властями действительно могла поспособствовать учреждению фемы в Сугдее. Достаточно вспомнить, что и в Херсоне перед назначением стратига также побывала византийская эскадра императорских и пафлагонских военных кораблей [25, с. 170-174; 83, с. 56].

Политическая ситуация в первой половине IX – первой половине XI вв., в которой оказалась Сугдея, может выглядеть следующим образом.

В 830-х гг. степь от низовьев Дона до Дуная занимают венгры. Они усложняют хазарам доступ в Таврику и нарушают их коммуникации на полуострове [84, с. 668, 678]. Ослабление влияния хазар в регионе могло отразиться на местных городах, получивших определенную политическую самостоятельность [84, с. 678]. Ситуацию, сложившуюся в Таврике, иллюстрирует Житие Константина Философа. Находясь зимой 860-861 гг. в Херсоне, святой узнает об осаде близлежащего христианского города хазарами. Константин отправляется туда и уговаривает их снять осаду, после чего подвергается нападению венгров [23, с. 78]. Христианский город мог оказаться осажденным из-за отказа выплаты дани или выполнения других обязательств перед хазарскими властями. Самим хазарским властям при восстановлении контроля над ним приходится сталкиваться с большими трудностями, связанными с борьбой с венграми.

С ослаблением хазарского контроля над Таврикой здесь усиливается роль Византии. Венгры, нарушившие сухопутные коммуникации хазар на полуострове и, вероятно, окончательно вытеснившие хазар из Таврики к 873 г. [84, с. 677], никак не могли повлиять на морское сообщение. Византии представился удобный случай усилить свое влияние на полуострове, в первую очередь, в приморских городах. Иллюстрацией желания Византии расширить сферу своего влияния на территории, выходящие за пределы Херсона и его ближайшей округи, может служить первоначальное название учрежденной при императоре Феофиле [85, с. 557] фемы – «фема Климатов» [86, с. 320]. При этом ресурсы, которыми обладала империя на полуострове, были весьма ограничены. Из письма Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху о поездке Константина Философа в Хазарию зимой 860-861 гг. следует, что Херсон – город «весьма близкий и смежный с землей хазар». Окрестности Херсона подвергались частым набегам варваров. «Епископ Херсона с очень немногочисленным населением оставался внутри города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» [24, с. 9-10]. В упоминаемом уже Житии Константина Философа византийской администрации принадлежит роль стороннего наблюдателя в развернувшейся между хазарами и венграми борьбе за Таврику [23, с. 78]. Наконец, Константин Багрянородный советует стратигу Херсона в случае восстания горожан просто покинуть город и ждать, пока торговая блокада принудит херсонитов к повиновению [25, с. 275].

В IX в. Византийская империя предпринимает попытку расширить свое влияние в Таврике. Этому способствует заметное ослабление позиций Хазарского каганата. Однако у нас нет ни свидетельств установления в Сугдеи византийской администрации ранее первой половины XI в., ни оснований включать город в пределы фемы Херсон. Город, вероятнее всего, продолжал управляться местной знатью. Возможность политической зависимости Сугдеи от Византии в «постхазарский» период не исключена. Скорее всего, подчинение могло быть формальным и выражаться в выплатах пакта.

В первой половине XI в. статус Сугдеи изменяется. Печати стратигов Сугдеи свидетельствуют об учреждении одноименной византийской фемы. Лapidарная надпись 1059 г. гласит, что в это время Сугдея и Херсон уже управлялись одним стратигом [87, с. 17].

Опубликованные печати, найденные в бухте Лимена-Кале, являются важным источником по раннесредневековой истории Сугдеи. Их анализ позволяет выделить несколько этапов в развитии города. Однако к данным моливдовулов из Судака нужно подходить с большой осторожностью. Мы не обладаем полной информацией о традициях и всех тонкостях средневекового делопроизводства. Датировки большинства сфрагистических памятников весьма приблизительны и в отдельных случаях определяются столетием. До сих пор возникают вопросы о появлении моливдовулов в бухте Лимена-Кале. До конца неясен характер сугдейского сфрагистического комплекса. Все это значительно снижает ценность печатей из Сугдеи как исторического источника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6.
2. Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III.
3. Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. 2006. Т. 2.
4. Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского // Труды. 1915. Т. 3.
5. Секеринский С.С. Очерки истории Сурожя. Симферополь, 1955.
6. Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Е.Ч. Скрижинская. Судакская крепость: история–археология–эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006.
7. Νυσταζοπούλου Μ.Γ. Ἡ ἐν τῇ Ταύρικῃ Χερσονήσῳ πόλις Σουδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος. Αθήναι, 1965.
8. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. 2004. Вып. I.
9. Майко В.В. Сугдея второй половины X – XI вв. между Византией и Тмутараканью // АДСВ. 2009. Вып. 39.
10. Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Великая «Скуфь». Stratum. 2000. № 5.
11. Майко В.В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // ПИФК. 2006. Вып. 16/1.

12. Сорочан С.Б. О положении и статусе Сугдеи в VI-IX вв. // Древности 2006-2008. Харьков, 2008.
13. Stepanova E. New Finds in Sudak // SBS. 2003. Vol. 8.
14. Šandrovskaja V. Die Funde der Byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3.
15. Šandrovskaja V. Die neuen Funde an Byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4.
16. Булгакова В.И. Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1.
17. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
18. Vozoyan A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
19. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
20. Oikonomidès N. Les Listes de Présence Byzantines des IXe-Xe siècles. Paris, 1972.
21. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград, 1932.
22. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
23. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
24. Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // ЗАН. 1893. Т. 72. Кн. 1.
25. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991.
26. Jean Skylitzès. Empereurs de Constantinople / Texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. Paris, 2003.
27. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
28. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
29. Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. 1997. Т. 1. № 1.
30. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
31. Айбабин А.И. Юго-Западный Крым в X-XIII вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. М., 2003.
32. Могаричев М.Ю. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып. XIII.
33. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII-IX вв. // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2.
34. Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. 2002. Вып. XII.
35. Сорочан С.Б. Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1.
36. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. XII.
37. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
38. Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI.
39. Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 2.
40. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
41. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. 2005. Вып. II.

42. Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. М., 1838. Ч. 1.
43. Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
44. Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2004.
45. Булгаков В.В., Булгакова В.И. Подводные скопления печатей в Судаке и Херсонесе: историографический феномен // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2006.
46. Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // *АДСВ*. 2001. Т. 32.
47. Йорданов И.П. Печатите от стретегията в Преслав (971-1088). София, 1993.
48. Византийская книга Эпарха / Пер. и ком. М.Я. Сюзюмов. М., 1962.
49. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 2.
50. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. New-York, 1911.
51. Oikonomidès N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth century: the Seals of Kommerkiarioi // *DOP*. 1986. Vol. 40.
52. Zakos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. V. 1. Part 1.
53. Dölger F. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10 und 11 Jahrhunderts*. Hildesheim, 1960.
54. *The Chronicle of Theophanes Confessor* / Transl. by C. Mango and R. Scott. Oxford, 1997.
55. Oikonomides N. The Role of the Byzantine State in the Economy // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteen Century* / Ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 3.
56. Κολτσιδα-Μακρη Ι. Βυζαντινα μολυβδουλλα. Αθηνα, 1996.
57. Cheynet J.-C., Morisson C. *Les Sceaux Byzantins de la Collection Henry Seyrig*. Paris, 1991.
58. Laurent V. *Documents de Sigillographie Byzantine*. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
59. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, 1986.
60. Wassilliou A.-K., Siebt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. Wien, 2004. T.2. Zentral und Provinzialverwaltung.
61. Sode Cl. *Byzantinische Bleisiegel in Berlin*. Bonn, 1997. Bd. 2.
62. Seibt W., Zarnitz M.L. *Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk*. Wien, 1997.
63. Zacos G. *Byzantine Lead Seals*. Berne, 1984. Vol. 2.
64. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. 1. Part 1.
65. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de L'Empire Byzantin*. Paris, 1981. T. 2. L'Administration centrale.
66. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Sofia, 2006. Vol. 2. Byzantine Seals with Family names.
67. Алексеенко Н.А. Печати главных логофетов из херсонского архива // *АДСВ*. 2003. Т. 34.
68. Алексеенко Н.А. Таможня и коммеркиарии Херсона // Сорочан С.Б. *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)*. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
69. Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // *МАИЭТ*. 2002. Вып. IX.
70. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // *МАИЭТ*. 1998. Вып. VI.
71. Алексеенко Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // *ХСБ*. 1999. Вып. X.
72. Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать в памятниках сфрагистики // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII.
73. Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII.

74. Никифоров М.А. Термин «τάκτων» Константина Багрянородного в свете административных отношений в феме Херсон в середине X в. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
75. Darrouzès J. *Listes Épiscopales du Concile de Nicée (787)* // REB. 1975. Т. 33.
76. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
77. Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу интерпретации) // Судакский сборник. 2005. Вып. 2.
78. Порфирий (Успенский). Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской // ЖМНП. 1847. Ч. LV.
79. Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.
80. Бертье-Делагард А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Таврике // ИТУАК. 1920. № 57.
81. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Sofia, 2003. Vol. 1. Byzantine Seals with Geographical names.
82. Zakos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. 1. Part 3.
83. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Н.Я. Любарского. СПб., 1992.
84. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-839 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
85. Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
86. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. 1.
87. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

Никифоров М.А.

К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв.

Резюме

Исследование посвящено проблеме статуса города Сугдея в первой половине IX – первой половине XI вв. Главным источником для изучения истории Сугдеи этого периода являются данные так называемого архива – комплекса печатей, найденных в бухте Лимена-Кале около Судака. В этой связи была предпринята попытка дать оценку печатям этого комплекса как историческому источнику.

Анализ данных печатей с указанием должностей из сугдейского сфрагистического комплекса позволил выделить несколько периодов в истории города: «ранний», «хазарский», «постхазарский» и «византийский». Сами печати могли принадлежать церковному архиву. Данные моливдовулов являются важным источником по раннесредневековой истории Сугдеи. Несмотря на это, до сих пор не решен вопрос с интерпретацией появления моливдовулов в бухте Лимена-Кале. До конца неясен характер сугдейского сфрагистического комплекса. Все это значительно снижает ценность печатей из Сугдеи как исторического источника.

Политическая ситуация в первой половине IX – первой половине XI вв., в которой оказалась Сугдея, и статус города могут выглядеть следующим образом. В IX в. Византийская империя предпринимает попытку расширить свое влияние в Таврике. Этому способствует заметное ослабление позиций Хазарского каганата. Однако у нас нет оснований предполагать установление в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в. Город, вероятнее всего, продолжал управляться местной знатью. Возможность политической зависимости Сугдеи от Византии в «постхазарский» период не исключена. Скорее всего, подчинение могло быть формальным и выражаться в выплатах пакта. В первой половине XI в. в Сугдее учреждается одноименная византийская фема. Лапидарная надпись 1059 г. гласит, что в это время Сугдея и Херсон уже управлялись одним стратигом.

Нікіфоров М.А.

**До питання про політичний статус Сугдеї
першої половини IX – першої половини XI ст.**

Резюме

Дослідження присвячене проблемі статусу міста Сугдея в першій половині IX – першій половині XI ст. Головним джерелом для вивчення історії Сугдеї цього періоду є дані так званого архіву – комплексу печаток, знайдених в бухті Лімена-Кале біля Судака. В зв'язку з цим було зроблено спробу дати оцінку печаток цього комплексу як історичному джерелу.

Аналіз даних печаток з назвою посад з сугдейського сфрагістичного комплексу дозволив виділити декілька періодів в історії міста: «ранній», «хозарський», «постхозарський» та «візантійський». Самі печатки могли належати церковному архіву. Дані молівдовулів є важливим джерелом з ранньосередньовічної історії Сугдеї. Не дивлячись на це, сьогодні не вирішено питання з інтерпретацією появи молівдовулів в бухті Лімена-Кале. До кінця не з'ясовано характер сфрагістичного комплексу. Все це значно знижує цінність печаток з Сугдеї як історичного джерела.

Політична ситуація в першій половині IX – першій половині XI ст., у якій опинилася Сугдея, та статус міста можуть виглядати таким чином. У IX ст. Візантійська імперія робить спробу розширити свій вплив в Тавриці. Цьому сприяє помітне ослаблення позицій Хозарського каганату. Проте у нас немає підстав передбачати встановлення в Сугдеї візантійської адміністрації раніше першої половини XI ст. Містом, найімовірніше, продовжувала керувати місцева знать. Можливість політичної залежності Сугдеї від Візантії в «постхозарський» період не виключена. Скоріш за все, підпорядкування могло бути формальним і виражатися у виплатах пакту. У першій половині XI ст. в Сугдеї було засновано однойменну візантійську фему. Лапидарний напис 1059 р. свідчить, що в цей час Сугдея і Херсон вже управлялися одним стратигом.

Nikiforov M. A.

**On the Problem of Political Status of Sougdaia
of the First Half of the 9th – the first half of the 11th Centuries**

Summary

The research is devoted to the problem of the status of the city of Sougdaia in the first half of the 9th – the first half of the 11th centuries. The main source of studying the history of Sougdaia of this period is the data of the so-called archive – the complex of seals found in Limena-Kale bay near Sudak. Hence, the second purpose of the article was an attempt to estimate the seals of this complex as a historic source.

The analysis of the above mentioned positions from Sougdaia archive enabled to particularize several periods in the history of the city: “Early”, “Khazar”, “Postkhazar” and “Byzantine”.

The seals themselves might have belonged to the church archive. The data provided by molybdoboulloi is a very important source on the history of early-medieval history of Sougdaia. Despite it, the problem of interpretation of emergence of molybdoboulloi in Limena-Kale bay has not been solved yet. The character of the assumed archive is not clear. The importance of molybdoboulloi from Sougdaia as a historic source becomes considerably less.

The political situation in the first half of the 9th – the first half of the 11th centuries where Sougdaia appeared and the status of the city could be the following: in the 9th century the Byzantine Empire undertook the attempt to extend its influence in Taurica. Impairment of positions of Khazar Kaghanate contributes to it. However, we do not have any evidence to suppose that Byzantine administration was established in Sougdaia earlier than in the first half of the 11th century. The city was governed, most probably, by local nobility.

Possibility of political dependence of Sougdaia from Byzantium in “Postkhazar” period is not excluded. Most probably, subordination might have been formal and been expressed in paying of paction. In the first half of the 11th century Byzantine thema was established in Sougdaia. Lapidary inscription of 1059 reads that at this time Sougdaia and Cherson were governed by strategos.